

административных правонарушений в разряд уголовных преступлений.

Кроме того, отсутствует баланс между обеспечением потребности личности в безопасности от экстремистских угроз и обеспечением системности правового регулирования. Достичь указанный баланс возможно, если: объединить ст. 282.1 и 282.2 УК; дополнить ст. 78 УК РФ пунктами, увеличивающими сроки давности уголовного преследования за экстремистские деяния; исключить из Уголовного кодекса РФ ст. 282.2. Также составы преступлений экстремистской направленности, за совершение которых уже сейчас наступает уголовная ответственность, следует переместить в категорию тяжких преступлений, что существенно облегчит работу оперативных служб в выявлении вышеуказанных преступлений, т. к. проведение полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений.

УДК 343.2/7

С. В. Варихов

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В число опаснейших угроз в сфере обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь отнесены проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды. Актуальность данного вопроса рассмотрена на уровне Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Особо отмечено, что формирование, проникновение либо распространение идеологии экстремизма, сепаратизма, национальной, расовой и религиозной нетерпимости, возникновение либо незаконная деятельность организаций, группировок, отдельных лиц, придерживающихся и распространяющих указанные взгляды, являются непосредственными угрозами национальной безопасности нашей страны в политической сфере. Поэтому одним из главных направлений государственной политики на долгосрочную перспективу в сфере обеспечения общественной безопасности должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, совершенствование нормативного правового регулирования противодействия экстремизму.

Вместе с тем необходимо понимать, что экстремизм – явление сложное. В научной литературе отмечено, что экстремизм и его проявления трудно выявляемы и расследуемы в связи с тем, что действующее законодательство не способно в полной мере регулировать все вопросы данной сферы из-за отсутствия соответствующих норм, направленных на противодействие данному негативному явлению. С этим нельзя не согласиться, проводя анализ уголовного законодательства Республики Беларусь на предмет наличия норм, направленных на противодействие экстремизму. Как представляется, для осуществления эффективного уголовно-правового противодействия экстремизму, прежде всего, необ-

ходим четкий понятийный аппарат, закрепленный в нормах Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) конкретных уголовно-наказуемых деяний экстремистской направленности. Однако в настоящее время имеет место проблема систематизации норм уголовного закона за совершение преступлений экстремистской направленности. Так, обращаясь к УК, мы находим нормы, формально обладающие признаками норм, направленных на противодействие экстремизму. Вместе с тем возникают и некоторые сомнения по поводу отнесения тех или иных из них к разряду таковых. Стоит заметить, что не только правоприменителю, но и ученым в области права весьма сложно очертить круг преступлений, относящихся к экстремистским.

Изученные научные источники позволили сделать вывод, что ни в законодательстве, ни в науке такое деление строго не регламентировано. Отсутствие определенности круга выделенных норм порождают споры ученых.

В УК не закреплено понятие «преступления экстремистской направленности». Для сравнения, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) это понятие закреплено в примечании 2 к ст. 282.2. Так, под преступлениями экстремистской направленности понимают «преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 признаются обстоятельством, отягчающим наказание». Как видно из приведенного определения, основанием отнесения нормы уголовного закона к разряду экстремистских является экстремистский мотив совершенного преступления. Следовательно, придерживаясь данного принципа, можно сделать вывод, что совершаемые преступления не могут образовывать однородную группу, поскольку совершаются различными способами, влекут разные последствия. То есть совершение любого из большинства преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, по экстремистскому мотиву будет рассматриваться в качестве экстремистского преступления. В случае же совершения этого же преступления по другому мотиву, никакого отношения к экстремистскому оно иметь не будет. Мы согласны с В.М. Хомичем в том, что экстремистской деятельности присущ мотивационно-типологический характер.

Как представляется, отказ законодателя от приведения ограниченного круга преступлений экстремистской направленности основан именно на данном принципе. В то же время стоит заметить, что в формулировке «экстремизм (экстремистская деятельность)», приведенной в Законе Республики Беларусь о противодействии экстремизму, содержится перечень деяний, совершение которых, на наш взгляд, происходит только по экстремистским мотивам. Это: разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни, а также социальной розни, связанные с насилием или призывами к насилию; действия, направленные на насильственное

изменение конституционного строя и территориальной целостности Республики Беларусь и т. д. По нашему мнению, перечень преступлений экстремистской направленности все же должен быть определен, но при условии внесения в него преступлений, совершенных по экстремистским мотивам. Указанные меры позволят организовать работу по своевременному выявлению и пресечению экстремистских проявлений, упростят процедуры статистического учета совершенных экстремистских преступлений, что положительно скажется на повышении эффективности деятельности субъектов противодействия преступлениям данной категории.

УДК 343.35

В. М. Веремеенко

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) является общим по отношению к другим преступлениям против интересов службы. Свое законодательное закрепление оно получило в главе 35 УК «Преступления против интересов службы». Рассматриваемое противоправное деяние включило в себя в обобщенном виде признаки, которые свойственны не только входящим в указанную главу преступлениям, но и иным преступным деяниям, содержащим в себе специфический способ совершения преступления – злоупотребление служебными полномочиями.

В настоящее время в практической деятельности правоохранительных органов возникают трудности в даче правовой оценки действиям должностных лиц применительно к ст. 424 УК. Это прежде всего связано с нечеткостью определения понятия «злоупотребление властью или служебными полномочиями». В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» дается такое определение: «злоупотребление властью или служебными полномочиями – это такие умышленные действия должностного лица по службе, которые соответствуют его служебным полномочиям, то есть связаны с осуществлением предоставленных ему прав и обязанностей, но совершены вопреки интересам службы из корыстной или иной личной заинтересованности» (ст. 424 УК). Однако до сих пор открытым остается вопрос, какие именно действия должно совершить должностное лицо, чтобы имелась объективная сторона злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Для решения указанных спорных вопросов необходимо рассмотреть признаки объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями:

1. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 424 УК, выражается только в действии, которое совершается должностным лицом в рамках предоставленных служебных полномочий. При квалификации злоупотребления властью или служебными полномочиями необходимо устано-

вить, что, совершая указанное преступление, лицо выполняло действия, которые соответствовали его полномочиям по содержанию, объему, пределам. Установление этого обстоятельства возможно на основании четкой оценки полномочий, закрепленных в соответствующих документах. Это означает необходимость наличия документов, в соответствии с которыми лицо зачисляется на должность и которые определяют служебные полномочия тех или иных работников. Такими документами могут быть приказы, уставы, инструкции и иные нормативные правовые акты. Ошибки в квалификации рассматриваемого противоправного деяния сопряжены, прежде всего, с тем, что правоохранительные органы не всегда проверяют порядок оформления должностных полномочий, их характер и объем, а также то, использованы ли они были при совершении преступления. Для того чтобы совершаемое должностным лицом действия в рамках своих полномочий приобрели преступный характер, они должны быть совершены им вопреки интересам службы, т. е. противоречить государственным интересам и требованиям законности. В данном случае противоречие действий должностного лица, например, на предприятиях частной формы собственности устанавливается с позиции его собственника, которая не должна противоречить действующему законодательству.

2. По конструкции объективной стороны состав злоупотребления властью или служебными полномочиями является материальный. Для признания преступления оконченным необходимо наступление последствий. В ст. 424 УК свое закрепление нашли последствия двух видов, характерные для рассматриваемого преступления: 1) причинение ущерба в крупном размере; 2) причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Если с установлением крупного размера ущерба, под которым согласно примечаниям к гл. 35 УК признается ущерб на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины на день совершения преступления, трудностей не возникает, то вопрос определения существенного вреда и критериев его установления при совершении преступлений является одним из спорных в практической деятельности правоохранительных органов и теории уголовного права. Различное понимание понятия существенного вреда приводит к неодинаковой оценке одних и тех же обстоятельств органами следствия и судами, что в свою очередь ведет к неправильной квалификации содеянного и даже неправомерному осуждению лиц.

В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 разъясняется, что существенный вред может выражаться в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка. Представляется, что указанное разъяснение является неполным, поскольку не содержит конкретного критерия определения, является ли вред существенным или нет. В правоприменительной практи-